

ко издательницей, но и страстным книголюбом. Достаточно перелистать некоторые страницы изданного ею каталога, чтобы убедиться в том, что книжный фонд библиотеки Баландина в Енисейске был превосходным.

Значительную роль в пропаганде книги в Енисейске сыграло Общество попечения о начальном образовании, открытое в 1883 г. Оно устраивало народные чтения, открывало воскресные школы, проводило различные праздники. По инициативе общества 6 августа 1898 г в Енисейске открылась бесплатная народная библиотека-читальня. В читальне было 608 названий книг в 868 томах, было выписано 8 названий газет. В 1903 г. в Енисейске всего на десять тысяч жителей работали 4 библиотеки – частная (госпожи В. Баландиной), общественная (при краеведческом музее), при общественном собрании и народная библиотека-читальня.

В 1903 г. общественная библиотека при музее приобрела крупное собрание книг золотопромышленника А.И. Тарасова. Это значительно пополнило краеведческий фонд, сделав коллекцию книг по краеведению одной из лучших в крае. За двадцать четыре года существования библиотеки была проделана титаническая работа по собиранию сведений о родном крае. Ни одна библиотека Енисейской губернии не имела такого богатого массива краеведческого материала.

Упадок библиотечного дела в Енисейске напрямую связан с днями первой русской революции. После событий 1905 г. библиотечное дело в целом по России переживало трудные времена. Прогрессивные деятели местного общественного движения преследовались, часть библиотек и читален была закрыта. Не обошлось без репрессий и в Енисейске. Деятельность знаменитой народной библиотеки-читальни при Обществе попечения о начальном образовании была приостановлена.

В 1916 г. газета «Енисейская мысль» сообщила, что в Енисейске на базаре можно было за гроши купить книги из музейной библиотеки. Ценные краеведческие материалы стали катастрофически пропадать. К сожалению, наиболее редкие издания после революции 1917 г. из библиотеки-музея исчезли. Таким образом, работа многих поколений просветителей по сохранению и сбору материалов по истории Енисейска была сведена на нет [1, с. 40].

В фондах городских библиотек Енисейска дореволюционной литературы почти нет, много ее и в библиотеке краеведческого музея.

Сегодня, когда на глазах сокращаются и гибнут от недостатка финансирования сельские и городские библиотеки, необходимо напомнить людям, с каким трудом создавали книгохранилища наши предки, сознавая, что книга поможет сделать человека умным, добродетельным и справедливым.

Литература

1. Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным: краткие очерки истории библиотечного дела и книжной торговли в Енисейской губернии (1838–1916). Красноярск : Кн. изд-во, 1995.

2. Быконя Г.Ф. История Приенисейского края XVII века – первой половины XIX века. Красноярск : Изд-во «Горница», 1997.

3. Красноярск: Очерки истории города / сост. П.Н. Мешалкин. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1988.

Library science in the culture of the Siberian province

There is characterized the role of libraries in the process of historical cultural memory development by the Siberians, accumulation and keeping of spiritual experience.

Key words: *reader, reading range, library science, Siberian province.*

М. П. НАЗАРОВА
(Волгоград)

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Используется культурологический подход в анализе такого социокультурного феномена, как город; выявляются изменения городской пространственной среды под воздействием социальных процессов.

Ключевые слова: *архитектурное пространство, город, социокультурный феномен, провинциальная культура.*

Архитектура во все времена воспринималась как деятельность по идеальному формированию пространства, а город – социальная структура в определенных границах – рассмат-

ривался в качестве возможности для социальных экспериментов, где архитектурные объекты создавались как социокультурные доминанты, способные оказать активное воздействие и на человека, и на группу людей, например горожан. Каждая историческая эпоха создает свою модель городского пространства, и вполне допустимо говорить о том, что архитектурное пространство города является отражением тех социокультурных процессов, которые происходят в обществе.

Если храм является символическим ядром и идеальным образом миропорядка, то город как наиболее структурированный элемент архитектурного пространства всегда соотносили с идеальным образом общественного устройства. Если проследить эволюцию города, то в любую эпоху он являлся зримым, образным выражением доминирующей культуры, идеалов, ценностей и социально-политических ориентиров общества. Вспомним, к примеру, идею, транслируемую во множестве политических, религиозных и художественных трактатах – «Москва – третий Рим», которую пытались пространственно зафиксировать в архитектурных формах на протяжении XIX и XX вв.

Опираясь на диалектику художественной формы А.Ф. Лосева, область архитектурной риторики можно определить как сферу функционирования мифа, а поскольку архитектурное творчество структурирует пространство через придание ему определенных значений в рамках существующей социально-мифологической картины мира, то о каждом архитектурном произведении можно сказать, что оно несет в себе некую смысловую нагрузку. Таким образом, архитектурный «смыслообраз» выступает как возможность, необходимость фактического осуществления которой реализуется в конкретной архитектурно-пространственной форме.

Архитектурная среда города исследовалась в социальных, политических, технических, экономических контекстах. В гуманитарном знании предметом изучения является город, рассматриваемый как социокультурный феномен. В настоящий момент исследователи, изучающие город, осознали необходимость междисциплинарного подхода в его анализе. В рамках данной статьи мы попытаемся проанализировать архитектурное пространство города в культурологическом контексте.

Город рассматривается как особая форма бытования культуры, способствующая уста-

новлению отношений гармонии между личностью и внешним миром. В архитектурной теории этот подход представлен в работах К. Линча, А.В. Иконникова, В.Л. Глазычева, А.Э. Гутнова, А.Г. Раппопорта, Ч. Дженкса. Наиболее интересными в контексте данного исследования являются работы В.Л. Глазычева, А.Э. Гутнова о соотношении пространственной модели мира определенной культуры и типа пространственной организации поселения, «формулы градостроительства» [3;5]. В то же время в современной теории архитектуры еще имеет место рассмотрение города как комплекса зданий и инженерных сооружений, тогда как город – это прежде всего жизненная среда сообщества людей, имеющих потребности, ценности, желания и устремления.

Воспринимаем ли мы город как целостное архитектурное пространство, и что этому способствует? Насколько необходимо целенаправленное формирование архитектурного пространства города? Ответив на поставленные вопросы, мы придем к решению социальных задач современного города, формируя его социокультурное пространство в соответствии с ними. Как верно отметили А.Э. Гутнов и В.Л. Глазычев, переход от монолога в градостроительстве к диалогу между профессиональным проектировщиком и теми, кого не без основания можно считать профессиональными горожанами, означает качественный сдвиг в истории культуры (Там же).

В культурологических изысканиях следует выделить работы по выявлению смыслов городского пространства [7;8]. Наиболее проработанная концепция, обозначающая смыслы городского пространства, представлена Ю.М. Лотманом. По его мнению, развитие той или иной культуры определяется множеством факторов, одним из которых является пространственный. В соответствии с этим автор определил модель организации культурного пространства России до XVIII в. как центристскую, в которой центром религиозной и культурной ойкумены была Москва [9]. Городу, по мнению Ю.М. Лотмана, придавалась функция объединения восточной и западной культурных моделей. Однако по сей день мы видим противопоставление «западного» цивилизованного Петербурга «восточной» коммерческой Москве. Придание городу роли символа, способного изменить геополитическую ситуацию и способствовать социальному равновесию, не является редким примером в мировой истории.

В своих работах, посвященных семиотике Петербурга, Ю.М. Лотман выделяет несколько критериев, необходимых для того, чтобы рассматривать город как семиотическую систему. Он предлагает рассматривать город с различных позиций: Город как имя, Город как пространство и Город как время [9, с. 56]. Таким образом, городское пространство есть часть «семиосферы», т.е. семиотического пространства представленной культуры.

Особый интерес в данном контексте имеет работа известного теоретика архитектуры А.В. Иконникова «Утопическое мышление и архитектура». По его мнению, любая архитектурная задача исходит от некоей идеальной модели жизнеустройства и имеет в ней свое оправдание. «Объективное, рационально познаваемое и рассчитываемое в организации среды архитектурой соединяется с не-объективным, ценностным, иррациональным» [6, с. 3].

В периоды стабильного развития общества в формировании архитектурного пространства мы видим тяготение к традиционным архитектурным формам, но в периоды кризиса и нестабильности в общественном развитии, как правило, проявляется стремление к экспериментам в формообразовании. В таких неопределенных исторических ситуациях создаются социальные утопии – идеальные модели системного преобразования общественного устройства, в контексте которых существуют архитектурные утопии, отражающие социальные идеалы в пространственных формах. В XX в. были предприняты попытки осуществления социальных экспериментов – таких, как строительство социализма в России, что в свою очередь привело к экспериментам в создании идеальной пространственной модели, которая бы соответствовала социальным изменениям.

В рамках культурологии заслуживает внимания концепция А. Ахиезера, в которой город рассматривается как социокультурно-территориальное образование, а каждая точка его территории имеет определенный ценностный смысл [2]. Н.П. Анциферов трактовал город как особый полифункциональный историко-социальный феномен, являющийся центром генерации культурных ценностей и фактором развития общественной структуры [1]. В работах И. М. Гревса город являет собой некий синтез культуры в ее высшем выражении и проявлении: «Особое внимание следует обратить на художественную физиономию города. Если он является крупным и оригиналь-

ным носителем искусства, это составит существенный признак при определении его монументального и психического типа. Художественное творчество особенно выразительно связывает город с определенной эпохой или историческим течением, и памятники искусства воплощают в себе многое из самых высоких и характерных проявлений культуры (в частности, местной) и дают нам проникнуть в самую глубь процесса развития не одной духовной, но и социальной жизни человеческих обществ» [4, с. 22].

Если проследить становления города как историю формирования архитектурного пространства, где зарождаются, развиваются, проживаются социокультурные процессы, мы увидим, что архитектурное пространство города на каждом историческом этапе видоизменяется в зависимости от процессов, происходящих в обществе, и является своеобразной декорацией к ним.

Последние десятилетия XX в. высветили особый интерес исследователей самого разного профиля – от теоретиков и философов культуры до историков-краеведов – к феномену провинциальной культуры. В этом контексте рассматривается проблема социокультурной организации провинциального градостроительного пространства [11], интерес вызван угрозой исчезновения исторически обособленных городских культур и провинциального градостроительного пространства, что связано с процессами глобализации и ростом мегаполисов. В сочетании с иными (экономическими, технологическими, политическими) факторами глобализация обостряет дискуссии о социальной ценности разнообразия форм культуры, в частности по проблеме сохранения этнокультурного разнообразия градостроительных комплексов. Культурологическое осмысление провинциального архитектурного пространства представлено в работах В.Р. Крогиуса, О.А. Швидковского, Э.А. Гольдзамта, Т.Ф. Саваренской, Т.А. Славиной, создавшей целое направление в архитектурной теории, которое можно назвать «практической культурологией градостроительного наследия».

Широкое распространение «местных» знаково-символических структур в провинциальной градостроительной практике (можно говорить о «диалектах» культуры) на фоне тотальной урбанизации делает актуальной проблему их сохранения и интерпретации. Провинциальное градостроительное пространство является важной составляющей региональных культур, способствует реконструкции культу-

ры локальных социальных сообществ, сохраняя основные элементы их мировосприятия и ценностей. К сожалению, при высокой степени политической и административной централизации общества резко возрастает роль столицы и заметно сокращается влияние провинциальных центров, в результате чего появляется представление о неполноценности провинции и провинциального архитектурного пространства. Провинциальное архитектурное пространство, будучи материальным отражением региональной культуры, в значительной степени зависит от социально-экономической составляющей региональной культуры, и, наоборот, сохранение провинциального архитектурного пространства может привести к оживлению социально-экономической деятельности малых городов России.

Таким образом, представление об архитектурном пространстве всегда связано со смысловым полем культуры, в котором и происходит создание и восприятие пространственных форм, объединенных социально значимой информацией в архитектурное пространство. М. Фуко считал, что каждой культуре свойствен свой «кодифицированный взгляд на вещи» [12, с. 45], формирующийся под воздействием культуры и меняющийся вместе с нею. Основополагающие коды культуры управляют ее языком, схемами восприятия и пространственными построениями.

Вполне допустимо говорить о том, что город является отражением той пространственной модели, которая существовала в конкретный исторический период развития общества, а представленная пространственная модель напрямую связана с социокультурными процессами, происходящими в обществе. Создание новой социокультурной системы всегда сопровождалось созданием новых городов или реконструкцией созданных ранее. Так было в Риме, который подвергался реконструкциям на протяжении всего своего существования, Москве, менявшей свой облик в зависимости от политических тенденций. Вспоминаются переименование Санкт-Петербурга в Петроград и обращение к национальному русскому стилю, перенос столицы из Петрограда в Москву и создание новых пространственных форм в 1917 г., реконструкция послевоенного Сталинграда как города Славы, города, символизирующего торжество социалистических идеалов.

Формирование архитектурного пространства Сталинграда, в 1940 – 1950-е гг. и является отражением происходящих социокуль-

турных процессов. Уже в военные 1940-е гг. появилась идеологическая потребность разработки концепции города-ансамбля как памятника Победы. Сталинград должен был стать идеальным городом-монументом, отражением парадно-триумфального умонстроения послевоенного времени. Проектирование восстанавливаемого Сталинграда началось с создания проектов монументов Великой Отечественной войны. В пояснительной записке к проекту Центральной площади г. Сталинграда говорилось, что содержание должно отвечать теме: Сталин – сердце Родины. И это не случайно, ибо первое, что люди начинают восстанавливать после войны и разрухи, – это алтари и храмы как средоточие смысла жизни и главный ориентир в пространстве [10, с. 24]. Можно сказать, что повсеместно становление государственности, признание легитимности новой власти находят отражение в градостроительных формах, что позволяет нам говорить об архитектурном пространстве города как о социокультурном феномене. Город состоит из проживающих в нем людей, он представляет собой место особого «собрания» человека в единое целое, включающее как человеческую телесность, так и духовную составляющую. Такое специфическое пространство формируется под влиянием множества факторов – исторических, природных, экономических и, безусловно, социокультурных.

Литература

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М. : Искусство, 1991.
2. Ахиезер А.С. Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса // Земство. Архив провинциальной истории России. 1994. № 2.
3. Глазычев В.Л. Культурный потенциал города // Сборник научных трудов НИИ культуры. М., 1986. № 151. С. 11 – 24.
4. Гревс И.М. Памятники культуры и современность // Краеведение. 1929. № 6.
5. Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. М. : Стройиздат, 1984.
6. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. М. : Изд-во «Архитектура С», 2004.
7. Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982.
8. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1984. Вып. 664.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970.
10. Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

11. Рыжова Т.О. Пространство провинциального города как индикатор расслоения социального пространства региона // Международные отношения в XXI веке: глобальное в региональном: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2000.

12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.

Architectural space of a city: culturological aspect

There is used the culturological approach in the analysis of such a social and cultural phenomenon as a city. There are revealed the changes of city's spatial environment under the influence of social processes.

Key words: *architectural space, city, social and cultural phenomenon, provincial culture.*

Н.К. ВАСИЛЕНКО
(Волгоград)

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МУЗЫКИ**

Выделены основные этапы становления экспериментальной музыки и современные тенденции ее развития; обозначены основные проблемы, касающиеся коммуникации в контексте экспериментальной музыки.

Ключевые слова: *экспериментальная музыка, коммуникация, технологии экспериментального творчества, язык экспериментальной музыки, музыкальный знак, музыкальное событие.*

Экспериментальная музыка как значительное явление мировой художественной культуры возникла во второй половине XX в., возвещая в исторической перспективе начало эпохи, в которой академическая музыка потеряла монополию на производство идей и образов, отвечающих культурным потребностям новых поколений композиторов, музыкантов-любителей и слушателей. Музыкальный авангард, пережив период своего расцвета до Второй мировой войны и в 1940-е гг., утратил свою актуальность

в эпоху постмодерна. Это связано прежде всего с концентрацией внимания теоретиков и практиков модернизма на принципах и условиях его собственного существования и функционирования, а также с довольно одномерной ориентацией на футуристический пафос культурной революции, бунт нового искусства, что уже не могло адекватно отвечать социокультурным тенденциям современной западноевропейской цивилизации, и без того претерпевшей существенные изменения. Эта ситуация не соответствовала потребностям в выражении фундаментальных признаков и символов новой культуры. Таким образом, сам термин «авангард» приобрел комичное звучание и употреблялся, как правило, с иронической интонацией, означая нечто институционально замкнутое, декадентское, в лучшем случае использовался как концепт истории искусств. Научно-технический прогресс создал благоприятную почву для становления новых сфер выражения идей, расширил предметное поле искусства, размыл его границы, чему способствовали бурное развитие и широкое распространение новых форм медиа- и технических средств. Эти формы положили начало процессу демократизации всех видов творчества и способствовали распространению экспериментального подхода за пределы академических аудиторий и залов.

Жесткий диктат академического музыкального образования сменился полипарадигмальной, плюралистичной и принципиально открытой институцией, такой как экспериментальные музыкальные лаборатории и открытые студии, представляющие собой сообщества и школы энтузиастов и для энтузиастов, исполненных стремления пересмотреть существующую ситуацию в послевоенной культуре и открыть нечто принципиально новое и актуальное. Целью было не только зафиксировать тенденции, но и наметить пути их будущего развития, преумножая количество имеющихся символических систем данной культуры. Экспериментальная, электроакустическая, компьютерная музыка потеряла свой строго элитарный статус, очаровывая привлекательными перспективами широкую аудиторию любителей. Однако концептуальное зерно экспериментального творчества было посеяно профессиональными композиторами и теоретиками. Истори-